

ПОМНИМ

ЯКОВ МЕЖЕРИЦКИЙ

ПРОЛЕТЕВШАЯ ЗВЕЗДА

Не заметить Немировского на историческом факультете было невозможно. Человек незаурядный по своим талантам, молодой заведующий кафедрой с выразительной внешностью мало кого оставлял равнодушным. Диапазон простирался от преклонения (близкого к обожествлению, особенно у дам) до всех оттенков зависти. Кого-то привлекала надежда сделать карьеру или хотя бы оказаться рядом. Так рождалась и подпитывалась легенда. Вначале, когда начиналась моя учеба на факультете, долетали ее слабые отзвуки. Говорили об увлекательных лекциях, стихах. На вечернем отделении, где я учился первый семестр, историю Древнего мира преподавал Сергей Несторович Бенклиев, поражавший незаурядной памятью и артистизмом. Курс истории Греции и Рима читал Александр Иосифович. Анекдотов не было, слушать-понимать-записывать надо было не расслабляясь. Создававшиеся на основе источников яркие образы сочетались с неожиданными поворотами мысли. Еще важнее было улавливать то, что не произносилось. Дополнительное содержание всплывало в памяти и осмысливалось только потом, иногда при чтении конспекта. И даже годы спустя, когда мне пришлось, едва покинув студенческую скамью, читать курс лекций по древней истории в Калужском пединституте. Тогда Александр Иосифович дал мне несколько сохранившихся листков с набросками текстов лекций.

Отбор был не совсем случайным. Речь шла о греческих тиранах и о римских правителях. Тема была Немировскому особенно близка, он не ограничивался описанием самодурства и причуд императоров по Тациту и Светонию. Становилось очевидным, как власть разлагала психику людей, превращая их в монстров. Помню абзацы, посвященные Тиберию, его извращенной жестокости. Исписан-

ные характерным почерком Немировского строки были не только результатом глубокого проникновения в тексты римских историков. Здесь отложились наблюдения и выстраданные выводы о природе тоталитарного государства. В силу литературного таланта и блестящего владения словом Александр Иосифович умел высказывать их, не выходя за рамки академичности. Эзопов язык, хоть и не значился в учебных планах, был одной из составляющих исторического образования. С детства мы усваивали привычку не говорить лишнего, в университете учились читать между строк. Далее каждый выбирал способы обращения со словом в зависимости от избранного пути.

Лекции Немировского, как и опубликованные тексты, включали несколько уровней. Не все первокурсники были готовы к восприятию всех оттенков его мыслей. Здесь можно найти и некий позитивный аспект – в противном случае оказалось бы гораздо больше неприятностей «по партийной линии». Но профессор искусно пользовался разными ключиками. Воссоздаваемые картины исторических событий и портреты насыщались яркими красками психологизма и острой драматургии. Иногда в повествование вплетался только что написанный им рассказ – все слушали как замороженные. Профессор любил делиться своими творческими достижениями. Сравнительно часто он делал это на спецсеминарах, заседаниях студенческого научного кружка и – к огромному удовольствию всех присутствовавших (приходили также оповещенные студенты) – на занятиях Школы молодого историка (Школа молодого историка для учащихся воронежских школ начала работу в осенний семестр 1967 года. Она функционировала на общественных началах. Организация осуществлялась нами, студентами, а лекции читали ведущие профессора и доценты факультета.

А.И. Немировский был самым активным лектором, и многие приходили специально на его занятия).

Вспоминаю свой путь: вначале к Немировскому, потом вслед за ним, а со временем (безнадежно отставая) – пытаясь шагать рядом. При поступлении на истфак думалось прежде всего о проблемах современности. Здесь сказывались, кроме ощущения недовольства, ожидания перемен, а также собственная наивность. Время от времени в домашнем окружении возникали обсуждения и даже споры, касающиеся ситуации в стране. Античностью я интересовался постольку-поскольку, был знаком с Гомером и греческими трагиками, даже читал что-то из популярных книг А.И. Немировского («Слоны Ганнибала», «Три войны»).

Шел полным ходом второй семестр, на кафедрах были выложены списки курсовых работ, но предложенные темы не привлекали. Не помню, при каких обстоятельствах, наверное после заседания кружка, Александр Иосифович в ходе беседы как-то ненавязчиво «подкинул» тему курсовой работы, посвященной обсуждению в советской историографии «азиатского способа производства». Проблематика была весьма актуальна, речь шла не просто об особенностях Древнего Востока, но и об общественно-экономических формациях вообще. Некоторые критики марксизма, указывая на власть бюрократии, находили у деспотий нечто общее с социализмом. Это придавало проблеме особую остроту. В итоге курсовая насчитывала порядка полутора ста рукописных страниц. Были изучены десятки статей и монографий ряда ведущих ученых. В течение считанных месяцев ощутимо продвинулось понимание истории как научной дисциплины. Последующий опыт убедил, что доклады, курсовые и дипломная работа, при достаточно серьезном к ним отношении, должны составлять основу исторического образования.

Профессор одобрил работу. Меня это, конечно, окрылило. К тому же он включил меня в группу отправившихся с ним на археологическую практику в Херсонес. Место практики, ее план, включая экскурсии и путешествия, были идеальными. Незабываемые впечатления произвело все: город-герой Севастополь, музей-заповедник, природа, люди. Палатки стояли на территории заповедника, на берегу моря. Рядом на фоне синего неба сияли белизной величавые колонны античного храма. Вечером у небольшого костерка, который не мешал наблюдать за мерцанием звезд, под легкий шум прибоя Александр Иосифович читал стихи. Иногда его сменяла Тая Моисеева, учившаяся курсом постарше, и другие студенты. А днем под нещадно палящим солнцем мы вгрызались своими кирками в каменистую почву Таврии, на железных

тачках вывозили из раскопа грунт. Профессор вместе с нами расчищал водосток и радовался найденным кем-то монете или фрагменту керамики. Как-то заведующий античным отделом Херсонесского музея Станислав Францевич Стржелецкий, проходя мимо, показал, как по-настоящему работают киркой: земля гудела. Недавно прочел, как он самоотверженно спасал коллекцию во время войны.

В перерыве иногда успевали окунуться в чистейшую черноморскую воду. С раскопа были видны заходящие в Карантинную бухту боевые корабли. А после рабочего дня, ныряя с маской, можно было понаблюдать сияющих всеми цветами радуги рыбок и всякую другую живность. Интересные лекции в музее и на раскопе читал нам Александр Николаевич Щеглов. Среди других ярких воспоминаний – редкого совершенства фреска с портретом рыжеволосого эллинского юноши в лапидарии музея. В заключение своих лекций по эпиграфике Элла Исааковна Соломоник показала его нам во всей красе, слегка полив водой. (Цветную фотографию этого изображения встретил потом в «Истории Украинской ССР в десяти томах». Первый том вышел 1981 году, портрет украшал также его суперобложку.) Запомнился поход по горному Крыму (Бахчисарай, Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Кермен). Вел нас известный саратовский археолог Владимир Иванович Кац...

В День военно-морского флота наблюдали парад кораблей в Севастопольской бухте. Навсегда покорила суровая простота мужественного и славного города, особый настрой гордых жителей Севастополя. Запомнилась поездка в Ялту с посещением дома-музея Чехова. К вечеру мы попали в Воронцовский дворец-музей. Надо было готовиться к ночлегу. Александр Иосифович решил оставаться в саду дворца. Удивительно, но мы совершенно спокойно поставили имевшиеся у нас палатки и благополучно переночевали. Рано утром, заходя в воду, был поражен красотой поднимающегося из моря сначала розового, потом оранжевого и, наконец, ослепительно золотого солнца...

Всего не рассказать. Практика, организованная А.И. Немировским, произвела на нас, первокурсников, огромное впечатление. Это был очередной шаг на пути к постижению начал своей истории. Спустя годы мы, ученики Немировского, тоже возили интересующихся студентов на раскопки античных памятников. Практика была важным этапом в формировании наших интересов, которые все более связывались с древней историей. Потом был курс по истории античной археологии и книга «Нить Ариадны». Немалую роль сыграл также кружок истории Древнего мира. Тематика сообщений была весьма разнообразной, Александр Иосифович подсказывал

А.И. Немировский в Воронеже. Начало 1960-х годов

темы, стараясь максимально учитывать интересы каждого студента. Поэтому выступления, как правило, вызвали вопросы и оживленные дискуссии. Руководитель умело направлял ход обсуждения. Позднее, на научных конференциях (где порой доходилось встречаться, в основном в Москве), критика Немировского, оставаясь доброжелательной, становилась порой бескомпромиссной. Но, слушая студенческие сообщения, Александр Иосифович не забывал хоть за что-то похвалить, уточнял и дополнял, особое внимание обращая на упущенные аспекты темы. Тем самым указывался путь возможного продолжения исследования в форме доклада или курсовой.

Александр Иосифович Немировский занимал все большее место в моей студенческой жизни. Думаю, дело было не только в педагогическом таланте. Этот человек привлекал своей индивидуальностью. Сказывалась необычайная свобода, личная и творческая. Одаренность его проявлялась в различных областях, так что каждый имел возможность к ней прикоснуться. Для кого-то Немировский был прежде всего поэтом и талантливым рассказчиком — полстраницы встретились с античностью на страницах его исторических повестей. Других поражали знания, высочайший уровень компетентности во многих разделах древней истории. Содержанием жизни профессора был творческий труд. Его увлеченность втягивала молодых людей в свое мощное поле. Некоторые уже поступали в университет «на Немировского». Не зря один из выговоров по партийной

линии профессор получил в том числе за то, что слишком успешно увлекал студентов античностью.

Могу подтвердить: так это и было. Он захватывал воображение читателей и слушателей, рассказывая с юношеским пылом и блеском в глазах о живших тысячи лет тому этрусском мальчике, карфагенском полководце или римском консуле. Мы, ученики, между собой любовно и с трепетом называли Александра Иосифовича профессором или шефом. Но отдавая себе отчет, что подобные титулы не дотягивают до его масштабов, произносили их с известной долей иронии. Его особость была очевидна, не требуя никакого дополнительного внешнего оформления. Поэтому, сравнивая Немировского с некоторыми надутыми от самомнения и гонора персонами, мы между собой посмеивались: «мол, ненастоящий у нас профессор».

Одной из сильных сторон Александра Иосифовича как ученого было знание историографии. Несмотря на «железный занавес», он хорошо ориентировался в проблематике антиковедческих штудий. Регулярно посещались московские библиотеки. Классические труды выискивались в букинистических магазинах столицы. Не ограничиваясь «профессорским» лимитом валюты для покупки новейших западных работ, он еще использовал резервы, остававшиеся у коллег. На эти цели уходила значительная часть профессорской зарплаты. Но в итоге уникальная личная библиотека позволяла не только ему, но и другим преподавателям кафедры, аспирантам и студентам заниматься полноценной наукой в условиях провинции. (Ядром собранной А.И. Немировским огромной библиотеки являются книги по античности на древних и новых европейских языках: источники, справочники, монографии. Бережно сохраняемая Ларисой Павловной Немировской библиотека остается одной из лучших на территории страны.) Обращались к Немировскому за консультациями и специалисты других кафедр, особенно филологи-классики, и археологи. Благодаря огромной эрудиции и широчайшему кругозору профессор безошибочно определял актуальные направления исследований, консультировал и помогал доводить работы до значимых результатов. В то же время Немировский обладал особым тактом, деликатностью, он не навязывал своего мнения. Это была интеллигентность, шедшая как от родителей, так и от его московских учителей. (Особое влияние на него оказали будущий академик М.Н. Тихомиров (еще в школьные годы) и профессор МГУ В.С. Сергеев. С ними его связывало также личное общение.)

Как-то в разговоре Александр Иосифович обратил мое внимание на Сенеку-философа. Вначале это

Единственная сохранившаяся фотография первого литературного объединения МГУ (опубликована в газете «Правда»). Подпись: «Литературно-творческая группа студентов при клубе Московского государственного университета. Студент тов. Немировский читает свои стихи. Фото М. Олевского».

Литературное объединение МГУ начало свою работу в 1938 году. Приглашённым руководителем был Евгений Долматовский, но фактически был и второй руководитель – студент физфака Даниил Плотке, впоследствии выступавший под псевдонимом Даниил Данин.

На фото: в левом нижнем углу – Евгений Долматовский, в левом верхнем – погибший на войне поэт Николай Майоров; читает стихи – Александр Немировский; второй справа от него – будущий главный редактор газеты «Литературная Россия» Николай Банников, вслед за ним – Ида Гершкович, студентка географического факультета (погибла на войне в 1943 году); человек в очках – Николай Борисович Зубков, позже китаевед, главный редактор издательства «Восточная литература». Следующий за ним – Александр Яковлев (погиб на войне)

не вызвало особого энтузиазма. В советской историографии над этим незаурядным писателем, политиком, мыслителем, в дополнение к обличению в двуличии, довлел штамп «дядя христианства». Знакомство с некоторыми дореволюционными публикациями изменило мое отношение к римскому стоику. А внимательное изучение его сочинений, в сущности, определило направление моей работы на годы вперед.

После окончания ВГУ я был вынужден покинуть уже ставший почти родным Воронеж, вновь оказавшись в совершенно чужом городе. (По просьбе коллектива Нововоронежской школы я уступил полученную по распределению ставку местной учительнице. В отделе кадров ВГУ отказались принять мое заявление на вакантное место на кафедре. По рекомендации Немировского устроился в Калуге.) Правда, опять же благодаря Александру Иосифовичу, получил работу в пединституте. Он даже приезжал туда читать лекции, обеспечивая меня моральной поддержкой.

Как учитель, научный руководитель или оппонент, А.И. Немировский, с одной стороны, был бескомпромиссно требователен, с другой – совершенно не меряя, щедро расплескивал среди своих учеников, коллег неожиданные и блестящие идеи. Их у него было море нечерпанное, окружающие не всегда были готовы их хотя бы понять, не то чтобы реализовать. Однажды, когда мы разговаривали о переходе от «республики» к «империи», Александр Иосифович, словно невзначай, обратил мое внимание на слово «метаморфозы». Конечно, оно было на слуху, но имелся в виду особый смысл заголовка Овидиевой поэмы, созданной в эпоху Августа. Тогда происходило подчас невидимое современникам глубинное перерождение римского общества. Поэт и историк Немировский очень тонко чувствовал и в то же время глубоко понимал мистику этого слова и Слова как такового.

Нередко наш профессор, взявшись корректировать чью-то дипломную работу или диссертацию,

дописывал целые страницы, а то и переписывал целые главы. Делал он это, что называется, «из любви к искусству и к науке». При случае спросил Александра Иосифовича – зачем? Смысл ответа запомнился на всю жизнь: «Неважно, кто написал, важно – хорошо ли написано!» «Нехорошо» шеф явно и активно не любил. Сначала он спрашивал, что бы это значило, постепенно все больше возмущался, а потом брался переписывать. Все это плохо переносил я. Потому учился работать со словом, прислушиваться к нему. Чтобы после, когда приносил текст, не выслушивать возмущенное: «Это написано не по-русски» или «Что за немецкое предложение!» (Одна из моих слабостей, нетрудно заметить, – длинные предложения с оборотами, хотя немецкого я тогда, в отличие от профессора, еще не знал.) Зато какое чувство гордости и величайшего удовлетворения переполняло, когда выпадала похвала! Отдавая себе отчет, что расслабляться не стоит, твердо знал, что притворяться Александр Иосифович не умеет. Вот по дипломатической линии он не вышел, также и по этой причине мало кого оставляя к себе равнодушным.

Хотя после окончания университета я оказался далеко от alma mater, Немировский всячески побуждал меня продолжать занятия античностью. Не менее важна была его активная поддержка. Через некоторое время Александр Иосифович предложил мне аспирантуру. Но памятуя «одиссею» с поиском работы, порекомендовал выбрать заочную форму обучения, тем более что у меня уже появилась семья. Спустя некоторое время, прислав фотокопии трехтомника сочинений Сенеки, он обеспечил меня основным источником для изучения избранной темы. (Копии изготовил по просьбе шефа аспирант и преподаватель ВГУ Георгис Веллас (1936–2015), поэт и замечательный человек.) В промежутках между занятиями, подготовкой к ним и всякими «общественными» поручениями работа была написана. Диссертация должна была защищаться в совете истфака ВГУ в декабре 1975-го. А к концу года намечалось закрытие советов по защитам по всему Союзу. В октябре удалось приехать в Воронеж для обсуждения на кафедре. Тут же следовало срочно подготовить и разослать автореферат. Кроме цейтнота, дополнительный стресс создавало то, что работать приходилось дома у Александра Иосифовича (понятно, что это позволил бы далеко не каждый профессор). Время от времени Немировский смотрел подготовленные разделы. Критика случалась малоприятной. К тому же шефа раздражали медленные темпы. В какой-то момент Немировский, не выдержав, произнес приговор: «Вам не историей надо заниматься, а завести дом в деревне и грядки копать!» (Обиду смягча-

ло воспоминание о Диоклетиане, который, оставив свои государственные дела, с увлечением занимался садоводством и огородничеством.)

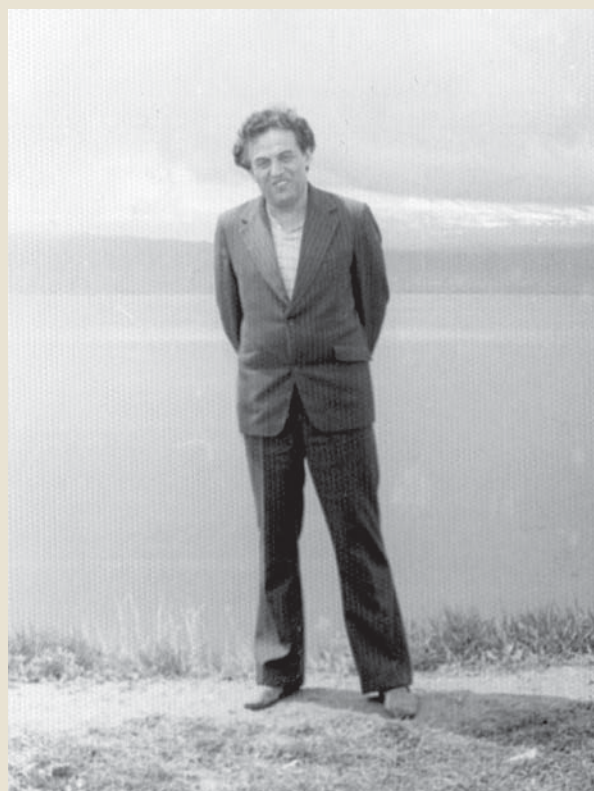
Стиснув зубы, я черепашим шагом двигался дальше. В итоге критика шефа приносила немало пользы. Главной помехой была его гиперактивность, проистекавшая от темперамента и незаурядных талантов. Устав выправлять мой корявый стиль, профессор начинал творить сам. С трудом разобрав его почерк и переписав, я убеждался, что это не мое. Намного лучше, но чужое, оно не срасталось с остальным телом. Александр Иосифович очень удивлялся, почему я не принимаю его тексты. Исключением были особенно удачные обороты и образы, отказаться от них просто не было сил. В итоге автореферат был вовремя распечатан и разослан. Не хватило везенья. Если опустить детали, незадолго до защиты, в отсутствие Немировского, который был на важном совещании в Москве, некто спровоцировал проверку кафедральных документов. Оказалось, что не оформлен протокол обсуждения моей диссертации. Бюрократия, как и дипломатия, не была сильной стороной профессора. Защита была отменена. Она сдвинулась еще на три долгих года.

Как только начали вновь открывать советы, Александр Иосифович обратился к коллегам, остановившись в результате на докторском совете при Тбилисском университете. Благодаря высокому научному авторитету Немировского там, не откладывая, приняли мою работу к защите. Правда, во избежание придинок со стороны ВАКа, изменили название. Диссертацию, как и автореферат, пришлось примерно на треть переделать. Александр Иосифович с целью подстраховки и поддержки прилетел на защиту. Она прошла успешно, члены совета, в их числе академик Г.А. Меликишвили (Георгий Александрович Меликишвили, княжеского рода, крупнейший исследователь Урарту, лауреат Ленинской премии, академик АН Грузинской ССР. Был одной из легенд советской академической науки) и другие известные ученые, тепло поздравляли. Но моя инициатива по организации банкета была неоднократно и категорически отвергнута. А после официальной части оба грузинских профессора, которые практически организовали защиту, ученый секретарь совета К.Д. Антадзе и Н.Ю. Ломоури, пригласили нас с Александром Иосифовичем в ресторан, чтобы отметить событие (Коте Додоевич Антадзе – специалист по новой истории. Его отец был народным артистом СССР. Нодар Юлонович Ломоури – известный исследователь Понтийского царства и других разделов истории Закавказья.) Там были также двое их аспирантов. Мы вкусили истинно грузинское гостепри-

имство. Атмосфера была дружеской. Хотя поводом была успешная защита, все было организовано, конечно, в честь Немировского.

В связи с участием Александра Иосифовича в этом мероприятии можно упомянуть еще об одном любопытном казусе. (К числу любопытных совпадений можно отнести небольшое землетрясение в Тбилиси как раз в час защиты. Позднее встретил сообщение об этом в газете. Своеобразным политическим фоном были волнения в Грузии по поводу государственного языка. Александр Иосифович на всякий случай посоветовал акцентировать внимание на воронежском (не калужском, подмосковном) происхождении диссертации. Подчеркну, никакой дискриминации я не испытал. Один из коллег накануне защиты спросил, почему я защищаюсь так далеко от Воронежа. Пришлось сослаться на моего отца, которому во время войны никто не препятствовал защищать Закавказье. В ответ собеседник добродушно засмеялся.) Так сказать, штрих к портрету. Мы остановились в университетской гостинице. Наши и еще один или два номера имели общий холл. Александр Иосифович позвал меня туда, чтобы посмотреть текст выступления. Поскольку профессор обращал мало внимания на одежду, то и я не придал значения его далеко не представительскому гардеробу. Неожиданно вышедшая из другого номера дама, увидев шефа в коротких штанах, перепуганно-сердито закудаhtала по-английски (What's it?! Shoking!) и тут же скрылась за своей дверью. Александр Иосифович произнес нечто вроде «Ох уж эти чопорные англичанки!» и спокойно продолжил свое дело. Меня он этим не сильно удивил. Не раз мы, студенты, специализировавшиеся на кафедре, замечали разные носки или другие мелкие несообразности в одежде. В нашем восприятии это лишь подчеркивало явную незаурядность шефа. Как-то 1 Мая преподаватели и студенты факультета стояли в колонне рядом с Первомайским сквером, разговаривали и смеялись. Ждали сигнала, чтобы двинуться к площади Ленина, где были трибуны с руководством. Подошел ректор (В.П. Мелешко). Поздоровавшись и осмотревшись, он тихонько попросил шефа, чтобы тот воспользовался оставшимся временем и сбежал домой побриться. Торопясь к месту сбора, тот просто не обратил внимание на довольно-таки заметную щетину. Поскольку Немировский жил недалеко, недостаток был вовремя устранен.

Если говорить о главном, чем мы, его ученики, обязаны своему Учителю, нельзя забыть о его готовности прийти на помощь и великодушии. Это проявлялось как в Поступках с большой буквы, так и в практических, зачастую до комичности элементар-

А.И. Немировский у озера Севан. 1976 год

ных делах. Будучи еще студентом, застал на кафедре любопытную картину: Александр Иосифович, в качестве официального оппонента, вместе с лаборанткой и кем-то из аспирантов клеивал корректуры в переплетенную работу. Оказалось, что соискатель из дальнего города опаздывал к защите, которая должна была начаться через пару часов. Профессор работал тщательно, попутно давая ценные замечания и советы по технологии клейки. В дальнейшем они мне тоже пригодились. Компьютеры были еще неведомы, а потом еще долго недоступны.

Диссертант, тогда при полной поддержке Александра Иосифовича, получил искомый титул. Но позднее, когда настало его время участвовать в очередной воронежской защите под эгидой А.И. Немировского, прислал официальный отказ на том основании, что в представленном труде много неточностей и опечаток. Это было тем более досадно, что новый соискатель жил в еще более далеком, сибирском городе, да еще оказался в сложной жизненной ситуации. Разумеется, Александр Иосифович довел дело до конца, хотя потребовались дополнительные усилия.

Несколько лет спустя я попросил Немировского прокомментировать эти ситуации. Реакция была очень спокойной и даже сочувственной, причем

едва ли не в равной мере по отношению к обоим диссертантам: при всей своей бескомпромиссности в области научного и литературного творчества шеф был в высшей мере терпим к человеческим слабостям. Эта терпимость шла не от религиозности, которая, увы, часто оборачивается радикализмом, и не от всепрощенчества – а от широты кругозора и жизненного опыта. В поступках Немировского всегда присутствовала четкая нравственная позиция. Но он мог, что называется, «войти в положение». Уж чего больше, Александр Иосифович продолжал помогать одному своему бывшему ученику, зная, что тот оказался информатором. Объектом наблюдения был сам профессор.

Без комментариев, просто было и есть о чем подумать.

Имя А.И. Немировского редко найдешь в качестве соавтора своего ученика. Такая возможность рассматривалась лишь в исключительных случаях, как правило, при необходимости поддержать кого-нибудь авторитетом маститого ученого. Это было предметом гордости, тем более что на произведении лежал отпечаток мощного пера Александра Иосифовича, иногда размером со статью. Позднее я сравнил это с обычной ситуацией, в первую очередь в научно-технической среде, когда имя руководителя (часто не одного, а всей иерархии начальников) автоматически ставилось впереди подписи собственно автора. Тогда в еще большей мере смог оценить своеобразие нашего профессора.

Шефу с его работоспособностью, увлеченностью и требовательностью к себе чужие работы были ни к чему. Он мог трудиться в полную силу несмотря ни на что: его не отвлекали неприятности по службе в качестве заведующего кафедрой или личные проблемы, неудобная обстановка, а позднее и болезнь. На факультете ходили легенды о чуть ли не сверхъестественных способностях профессора, который, перелистав книгу, знал ее содержание вплоть до малейших деталей. Мы имели возможность убедиться в этом, когда он знакомился с нашими «произведениями». Александр Иосифович читал или писал (и как!) не только за столом или полулежа на кушетке, но также во время разносного партсобраний или ночью в поезде, в позе полулотоса или просто подложив под себя одну ногу. Это редкое сочетание непритязательности и фантастической работоспособности с незаурядными способностями в какой-то степени (но все равно не до конца!) могут объяснить необычайную производительность шефа: ведь его печатная продукция превосходила по объему таковую всего остального факультета. (Общее количество публикаций А.И. Немировского превы-

шает полтысячи.) А в качестве его публикаций сомневаться не приходится. Изредка встречаясь, мы, его ученики, гораздо более молодые и физически здоровые, не стыдясь, признавались друг другу, что ни повторить, ни постичь этого до конца не в состоянии. Но восхищались безгранично и стремились по мере своих сил следовать примеру Учителя. А это значит: искать без усталости многоликую истину, докапываясь до всех мыслимых источников, при этом почаще, не считая, «поворачивать стиль». Свой стиль Немировский сверял с русской поэзией – от Пушкина до Мандельштама. Постоянно работать над словом побуждало не только стремление к совершенству, но также честолюбие и агональный дух, помноженные на трудолюбие, поразительный запас энергии и одержимость в работе.

С самыми близкими ему людьми я, к сожалению, общался мало. Но знакомство с ними помогло лучше понять самого А.И. Немировского. Помню улыбку и приветливый взгляд его отца, Иосифа Исааковича. Сын был похож на отца, но взгляд поэта, казалось, всегда был устремлен и на самого себя: в голове профессора все время рождались или зрели какие-то идеи. В ходе разговора он тепло отозвался об отце, но развития тема не получила. Судя по кратким упоминаниям, мать Александра Иосифовича была женщиной сильной: время не располагало к сантиментам. (Прослуживший 7 лет в царской армии и воевавший в Первую мировую его отец «был очень сильным и мужественным человеком». Когда Александру Иосифовичу было семнадцать, родители были репрессированы. О детских и юношеских годах мне известно в основном из его кратких автобиографических заметок.)

Когда я зашел к профессору домой, меня очень радушно приветствовала его первая жена, Сима Натановна. Позднее Александр Иосифович познакомил меня с Натальей Евгеньевной Штемпель. «Последняя муза Мандельштама» была внимательна и гостеприимна, а когда я приехал в Воронеж из Калуги, не хотела отпускать без баночки варенья. Были также эпизодические контакты с детьми: Марк был примерно моего возраста, Лена – младше. Александр Иосифович их очень любил, но отношения были сложными.

Со временем у нас с Александром Иосифовичем сложились дружеские отношения учителя и ученика. Для меня были важны его советы, как профессиональные, так и «по жизни». Александр Иосифович был внимателен, старался помочь. Случалось, делился проблемами. Иногда он предлагал участие в собственных проектах, но в силу моей загруженности учебной работой это было трудно осуще-

ствимо и требовало к тому же отказа от собственных планов. Подчас становились проблематичными отношения с его московским окружением. С удовольствием встречаясь с Немировским и другими коллегами, я с трудом переносил столичную суету. Вспоминается, с согласия профессора была написана рецензия на его работу о «Римской истории» Веллея Патеркула (Воронеж, 1985). Книга открыла читателю совершенно новый взгляд на идеологию первых десятилетий империи. Разумеется, рецензия была положительной, но кому-то не понравилось, что я «посмел» (а это, собственно, предполагает сам жанр) включить в отзыв пару мелких замечаний. В основе этого и других проявлений недовольства лежали какие-то предубеждения, снобизм, ревность не только по отношению ко мне лично, но и к воронежской традиции Немировского в целом, как и масса иных комплексов. (Немировский не мог обходиться без «московского воздуха». В то же время он признавал, что 1960-е годы (когда он жил и работал в Воронеже) были пиком его исторической прозы. Расставание с городом переживалось нелегко. Эту боль передает стихотворение «Прощание с Воронежем». О полном разрыве не могло быть и речи.) Конечно, Александр Иосифович это видел и порой, как бы извиняясь, говорил, что не может до конца понять причин недоброжелательности.

Подобные «мелочи» усложняли наше общение, по-видимому, также его жизнь. Но Немировский умел уходить с головой в работу. И он продолжал радоваться моему появлению, расспрашивал о семье, работе, увлеченно рассказывал о своих творческих планах. (Когда я в конце 1980-х занялся написанием докторской диссертации, Немировский предоставил возможность жить в его временно свободной московской квартире в Медведково.) При расставании не отпускал без гостинцев, делился содержимым пайка для ветерана войны. Снабжение провинции ухудшалось, в конце 1980-х то же стало заметно и в столице. Перестройка привела к развалу Союза и «шоковой терапии». Было ясно: что-то пошло не так.

В наших беседах текущие события затрагивались редко. По более общим, мировоззренческим вопросам взгляды иногда расходились. Разными были жизненный опыт, окружение, времена. Родители Александра Иосифовича подверглись несправедливым репрессиям, и он уже в юности прочувствовал давящую силу бесчувственного катка тоталитаризма. Немировский испытывал мало симпатий к партийно-бюрократической номенклатуре и «рыцарям Лубянки». Перестройка воспринималась им со знаком плюс, поскольку снимала многие сковывавшие свободу ограничения. Но оборотной стороной сво-

боды стало ослабление государства и правопорядка, обогащение одних происходило за счет ограбления других. В числе незащищенных слоев населения оказалась вузовская интеллигенция. Это неизбежно вело к дефициту квалифицированных кадров и общему падению культуры. Александр Иосифович соглашался с подобными наблюдениями, но вновь вспоминал о кровавом тиране. Возражать ему в данном случае было нечем...

По причине болезни Александру Иосифовичу было нелегко прийти ко мне на защиту докторской. Он очень убедительно выступил в качестве оппонента, но после официальной части извинился и сразу ушел. Только тогда я понял, чего это ему стоило. Успокоился, лишь дозвонившись и узнав, что он дома. Другого оппонента, Георгия Степановича Кнабе, надо было встретить у «Таганской», поскольку он был совсем не уверен, что сможет пройти оставшиеся 200–300 метров по Верхней Радищевской. Было что-то с сердцем, погода стояла тяжелая. Но выверенные предложения Кнабе произвели должное впечатление. Третьим официальным оппонентом была Ирина Сергеевна Свенцицкая, которая организовала защиту, будучи уже многие годы профессором МГОПИ. (Тогда Московский государственный открытый педагогический институт, ныне Московский государственный гуманитарный университет (МГГУ).) Ее слово, помноженное на огромный авторитет, конечно, не могло подвергнуться сомнению. Без ложной скромности горжусь, что трое выдающихся ученых положительно оценили и поддержали мою работу. Единогласное решение совета многое говорит и о коллективе института. Разве можно не сожалеть о таком времени? Это был уже 1994 год. Но плану *еще* держало поколение победителей.

В последние годы жизни здоровье Александра Иосифовича начало сдавать. Он вспоминал, каким был сильным в молодости. Да и в солидном возрасте его творческой энергии хватало бы на троих. С перестройкой пали препоны цензуры, его охотно печатали и переиздавали (в течение 20 лет после 1985 года у Немировского вышло примерно столько же публикаций, сколько за предыдущие 35 лет), приглашали на телевидение и брали интервью. Шеф радовался как ребенок, хотя и понимал, что порой его используют. Сохранением творческой активности Александр Иосифович был во многом обязан заботливой опеке Людмилы Станиславовны Ильинской, а потом и Ларисы Павловны Григоренко-Немировской. Тогда вышел еще ряд замечательных книг шефа об истории и культуре античности, опубликованы по-новому изложенные древневосточные и античные мифы, переведены на русский язык малоизвест-

ные широкой публике римские авторы (Анней Флор, Л. Ампелий и другие). Ряд творческих проектов он успешно осуществил совместно с Викторией Ивановной Уколовой. В эти же годы появилось немало публикаций, посвященных творчеству самого Немировского. Но особенно рад был Александр Иосифович ренессансу интереса к его поэзии, публикациям подборок и сборников стихотворений. Предметом гордости были также переводы Р.М. Рильке, Г. Гессе и некоторых других поэтов.

Иногда Немировский сожалел, что не посвятил себя поэзии полностью, без остатка. Время не вернуть, но как историк, писатель и педагог он внес неоценимый вклад в российское антиковедение, культуру и образование. (Немировский был не только признанным ученым и популяризатором науки, талантливым педагогом, но и, как указывалось ранее, создателем серии оригинальных учебников и учебных пособий.) Не знаю, насколько убедили профессора такие мои слова. Поздние стихотворения раскрыли для меня личность Александра Иосифовича с новой стороны. Произвела впечатление тончайшая саморефлексия сборника стихов «Зазимье». Открыв сборник, готовившийся при участии Немировского, вспомнил содержание одного из наших последних разговоров. Автор, в духе дзен, хотел дать книжке название «Лепет старика». Александр Иосифович оставался до конца честен перед собой и своим читателем.

Перестройка и ее последствия, включая скромные гонорары за печатавшиеся солидными тиражами книги, дали возможность наконец отправиться в Италию. Александр Иосифович Немировский, один из крупнейших отечественных исследователей Древнего Рима, за время своей работы в ВГУ так и не смог увидеть на месте этрусские гробницы, руины Римского форума или раскопки Помпей. Завершивший младшим лейтенантом фронтовой путь и награжденный орденом Красной Звезды и медалями профессор в мирное время стал «невъездным». На заседании парткома ему вместо характеристики, необходимой для поездки в Италию, едва не объявили строгий выговор (!). Немировского не то что не выпустили в капиталистическую Италию, но и сорвали поездку даже в почти социалистическую Югославию. (А.И. Немировский числился у «органов» неблагонадежным, тем более что не подходила пресловутая «пятая графа».) Лишь в конце 1990-х выдающемуся антиковеду и популяризатору науки удалось наконец посетить этрусские и римские памятники, о которых он и раньше рассказывал так, как будто они перед его глазами. Конечно, А.И. Немировский знал об этом всех притягивающем и таинственном мире неизмеримо больше многих сотен тысяч людей, вышагивающих ежегодно по улицам Помпей. И тем

не менее радовался как ребенок, гуляя по древнему городу, порой представляя себя одним из героев своих книг, жившим две тысячи лет назад. Александр Иосифович был под впечатлением от археологических коллекций Рима, Неаполя, самой Италии.

На обратном пути оба российских профессора (с Немировским была его супруга Л.С. Ильинская), вооруженные примусом и остатками консервов в чемодане, приехали погостить и посмотреть Кёльн. Это было в конце 1990-х. Александр Иосифович был просто счастлив от состоявшейся поездки. Людмила Станиславовна, которая и раньше бывала в Италии, радовалась в основном за него. Она рассказывала об увиденном, о встречах с коллегами. Полученная информация и некоторые впечатления отразились в переработанном, но уже посмертном, третьем издании книги «Нить Арианы» (Москва, 2007). А тогда, слушая восторженные рассказы, мы радовались за обоих. Это были счастливые часы и в нашей жизни. Грустные мысли пришли потом, когда вспоминали о долгом пути Немировского в Италию. Любопытный штрих: профессор не любил жаловаться на свою судьбу, если что мельком и упоминал, то с улыбкой.

Кёльн тоже не оставил Александра Иосифовича равнодушным. Он с интересом осмотрел город, посетил Римско-германский музей и преторий (раскопки дворца римского наместника провинции Нижняя Германия). Вспоминали некоторые известные моменты истории города. Мы изумлялись, подсчитывая к концу дня километры проложенного нашими гостями маршрута. Совершив также однодневное путешествие из Кёльна в Трир, Л.С. Ильинская и А.И. Немировский привезли впечатления от императорских терм, амфитеатра и других римских древностей города. Они восхищались красотой протекающего среди покрытых виноградниками холмистых берегов Мозеля. Александр Иосифович делился впечатлениями, посвящал нас в свои творческие планы, читал стихи из «Мозеллы» Авсония. Вспоминали Херсонес, он радовался, будто и не промчалось еще тридцать лет. Будучи во всем истинным поэтом, А.И. Немировский всегда встречался с античностью как в первый раз...

Жизнь, как и дорога, не обязательно должна быть легкой. Она хороша прежде всего тем, что встречаешь достойных и интересных людей. Иногда это еще и незаурядные личности. С кем-то из них удастся пройти часть трудного пути. С немногими остаешься душой навсегда.

Дорогой Александр Иосифович, мне очень повезло, что Вы повстречались на одном из важнейших перепутьев. Благодарю судьбу за доставшуюся и мне долю света и тепла, которыми Вы так щедро делились с близкими и далекими людьми.